

Д е б ю т

Константин ЖУРАВКОВ

МОЯ МАШИНА ВРЕМЕНИ

Когда я был маленьким, мне очень хотелось изобрести машину времени. Как средневековый ученый монах, пытающийся найти рецепт философского камня, как ученый – изобретатель трехсотлетней давности в поиске механизма вечного двигателя – я, десятилетний неслух, прогуливающий алгебру и геометрию, искал ответ на вопрос – возможно ли сконструировать эту штуковину. Именно тогда Герберт Уэллс взбудоражил мне голову своим великолепным романом «Машина Времени», который я читал втайне от родительских глаз, озлобленных моим красным от «неудов» дневником. Режиссер Земекис своей кинотрилогией «Назад в Будущее» окончательно добил во мне дворового футболиста, назло всем, явив миру пытливого пацана, увлекшегося чем-то пленительным и сокровенным.

Сомнамбулой я плелся в школу, имея за плечами вместо нужных учебников по невыученным урокам, полезные для моей идеи фикс тонкие научно-популярные брошюрок общества «Знание». Исправно получая «колы» и «двойки», я как христианский миссионер

среди индейцев заражал своей идеей одноклассников. Перешедших на мою сторону было немного – может пять, а может восемь сочувствующих. И только один мой друг Сенька (или Сенёк как часто я его звал) согласился разделить со мной участь прогульщика и «двоечника». Это была, возможно, участь такового Джордано Бруно, готового пойти на любые жертвы (ремень матери за прогулы и «колы» вместо костра инквизиции) ради машины времени. Мы активно обсуждали с ним, на основе прочитанных брошюрок, проекты нашей идеи. Одна из брошюрок, помнится, называлась «Как изобрести машину времени?». Я её стырил из районной библиотеки, хладнокровно сунув под ремень брюк. Нетерпеливый и счастливый я мчался домой, чтобы поскорее окунуться с головой в заветную книжонку и, наконец, узнать – возможно ли изобрести эту машину? И каково же было мое разочарование, когда вместо ожидаемых схем изобретения, я увидел галимую теорию времени как физической величины, всевозможные предположения и

Журавков Константин Александрович. Родился 15 октября 1983 года в городе Ленинске-Кузнецком Кемеровской области. Закончил с отличием Кемеровский Государственный Университет по специальности «история». Творческий путь начал с поэзии. Первые стихи написаны еще в 1999 году, а основательно к поэзии вернулся в 2010 году. В 2013 году обратился к прозе и написал свой первый рассказ «Дядя». Принимал участие в конкурсе «Золотая строфа-2011», поэтическом конкурсе имени Сильвы Капутикян, музыкально-литературном фестивале «Надежда» (г. Новосибирск). Есть публикация в «Литературной газете «ЛИК».

гипотезы, размышления и догадки – словом, ничего точного и вразумительного. Поглотив с жадностью книгу, как голодный удав мышонка, я впервые узнал о теории относительности Эйнштейна, благодаря которой, с большой долей вероятности, возможно путешествие во времени.

– Слушай, Сенек, оказывается, этот Эйнштейн, мог сам летать в прошлое и в будущее, – шепотом говорил я, косясь на Наталью Александровну – нашу «строгую математичку».

– Как? – не отрывая своих глаз от бело-коричневой доски с вариантами контрольной работы, спросил друг.

– Обыкновенно – шептал я, но, увидев устремленный на нас строгий взгляд учителя, замолчал. Выдернул клетчатый лист из тетради для контрольных работ и стал писать свое важное, на мой взгляд, открытие: «Эйнштейн придумал теорию, согласно которой путешествие возможно лишь в том случае, если человек будет двигаться со скоростью близкой к скорости света. В таком случае время путешествия, измеренное по часам того, кто двигался с такой скоростью, всегда меньше измеренного по часам того, кто оставался неподвижен».

Семен шевелил губами, поднимая и опуская глаза то на листок бумаги, то на мелькавшую возле боковых крыльев классной доски Наталью Александровну. Шевеление губ Сенька было долгим и я уже начал злиться на его медлительность. Через пару минут, когда шевеление губ друга прекратилось, и учительница села за свой стол блюсти порядок и тишину во время выполнения контрольной, Сенька стал писать ответ на том же листе. «Круто! Получается, сев в летательный аппарат, летящий со скоростью света, на пару дней, можно вернуться на землю, где прошло уже несколько десятилетий?».

Я дописал: «Да!!!». И в этой утвердительной частице был мой восторг. Восторг от собственного открытия новой и полезной для меня теории, от

рассуждений понимающего и разделяющего мои интересы, друга. Я ликовавал. Списать тогда контрольную работу не удалось. Пришлось писать в очередной раз полную белибердену и заведомо обрекать себя на «двойку» за четверть. Но это была полнейшая мелочь по сравнению с тем, что происходило в моей десятилетней голове.

На следующий день, после школы, мы с Сеньком пошли в нашу облюбованную библиотеку тырить очередные книги по теории относительности (накануне я заметил пару интересных брошюр по этой теме). Библиотекарь Арина Рудольфовна, записывая нас в читательский формуляр, не скрывала улыбки:

– Читать будете что ли?

Я стеснялся признаться в своей неординарности и сказал, что это старшему брату для подготовки реферата по физике. Книга была малозначительная и ненужная, – что-то вроде практикума по термодинамике. Читать я её действительно не собирался. То, что было мне необходимо для чтения – уже приятно грело и давило мой живот под тугим ремнем.

Весь месяц с Сенькой мы читали книги, аккуратно заносили наши выводы и размышления в одну большую тетрадь с красной обложкой. После уроков засиживались в читальном зале школьной библиотеки и обсуждали прочитанное. Возле нас стояли две башни подшитых журналов «Наука и жизнь» и «Знание-сила». Вокруг шушукались и смеялись девчонки, называя нас с Сенькой женихом и невестой. Действительно, со стороны мы выглядели комично: две близко склоненные головы над одним журналом, а рука Сеньки недвижно лежит на моем плече. Мы были просто увлечены нашей идеей и вовсе не замечали колкостей ровесников. От избытка пыльных страниц старых журналов я начинал чихать и чесаться, глаза краснели и слезились как у взбешенного пса-боккера: врожденная аллергия на книжную пыль давала о себе знать. Из

всей казалось бесконечной массы страниц, статей, журналов мы с моим верным единомышленником не выудили ничего, кроме жалких и общих по содержанию цитат о глубине и вечности неукротимого времени, о возможности её управляемости с помощью человеческого разума и достижений техники.

Но однажды, в субботу вечером, когда были сделаны уроки на понедельник, и в углу меня ждала заветная хоккейная клюшка, в дверь постучался Сенька. Поздоровавшись, он спросил разрешения пройти в квартиру, чтобы показать нечто важное и интересное. Таинственно улыбаясь, Сенька полез под свою зеленую вязаную кофту, доставая из нагрудного кармана рубахи вчетверо сложенную газету.

– Это газета «Зеркало». Папка купил в киоске. Ведь он же знает мои интересы. Вот и вычитал...

– Что вычитал? Дай-ка – я с нетерпением почти вырвал газету из рук и стал вчитываться в обведенную красным фломастером статью.

Статья называлась незамысловато и просто – «Колодец». Речь в ней шла о мужике, который, провалившись в пустой колодец, каким-то чудом попал в прошлое. Там он был всего несколько часов, присутствуя своим ясным сознанием в начале 20 века, во дворе какого-то помещика, где смог узнать в батраках своего прадеда, работавшего кузнецом. А тело мужика, пока его сознание «гуляло» в прошлом, без явных признаков жизни пролежало на дне почти три дня, пока его не обнаружил сосед – собутыльник, желавший в этот колодец опорочиться.

Я читал эту статью вслух и погружался в сюжет этой истории с головой. Оказывается, когда того счастливец (для меня он был счастливец!) или бедолагу вытащили на поверхность, то, к удивлению многих, на его теле не было обнаружено ни одной ссадины, – более того, мужик стал в подробностях рассказывать о тех жителях, которые жили сто лет назад в

этой деревне. Многие жители, слушавшие невольного путешественника во времени, в описаниях людей столетней давности, виденных им, узнавали своих пращуров. Из райцентра привезли местного краеведа, который документально подтвердил сведения о домах и домовладельцах, описанных тем. Все ахали и охали. Мужика повезли в город на исследования к местным ученым. Мужик стал божиться и клясться, что сможет повторить этот трюк еще раз, – мол, вы будете меня снимать на видеокамеру, я буду прыгать в колодец, а дальше – исследуйте, господа хорошие. Кто-то из тех ученых стал предлагать другие варианты: изучить досконально почву и атмосферу, проверить зачем-то радиационный фон, взять пробы древесины со стенок сруба и так далее и тому подобное. Потом в деревню согнали ватагу ученых из геофизиков, парапсихологов и обычных любопытствующих субъектов. За месяц исследований деревня превратилась в настоящий Академгородок. Мужика того снова кинули в колодец, но вместо перелома ноги, несмотря на подстраховку – ничего не получили. «Вы меня не страхуйте. Если разобьюсь – то и ладушки, зато ради науки...» Не подстраховали. Мужик снова кинулся вниз головой в колодец. Целых два месяца не приходил в сознание. Еле слышно дышал. Физиологи, парапсихологи щупали, изучали мужика, обмотали шлангами и проводами, измеряли давление, пульс, снимали кардиограммы, делали томографию. Пришел мужичок в себя только после того как ему ввели внутрисердечную инъекцию раствора адреналина. Обступили ученые – рассказывай мужик, где был, что видел. И рассказал мужик, что на этот раз попал не на столетие назад, а на целых полтыщи. Говорил, что видел «хлопцов» в меховых шапках, похожих на те, что цари раньше носили, на красивых лошадях в полном вооружении из лука и стрел в колчане. Подходить к ним боялся, отлежался в каком-то монастырском скиту возле

замерзшего пруда, спрятанном в непролазных зарослях ельника. Жил там 2 года: научился молиться, трудиться и поститься, в совершенстве овладел старославянским языком. Все проверили ученые: нашли полусгнившие, спрятанные под дерном, бревна бывшего монастырского сруба, сожженного большевиками, следы иссушенного во время коллективизации пруда, и, наконец, подлинность и точность старославянских изречений и молитв, прочитанных наизусть мужиком. Но на этом эксперимент в общем-то и закончился. Мужик через месяц сгорел по пьянке вместе со своим другом-собутыльником в маленькой избушке: пропивали «академический аванс», присланный за научный эксперимент местным отделением Академии Наук. Эксперимент тот засекретили, колодец засыпали – словом, обычная в таких случаях история, если она случалась в советское время. Такова статья!

– Круто, – я смотрел на ликующего Сеньку и ждал от него пояснений.

– Еще бы. Знаешь, чего я подумал?

– Ну?

– А если нам сделать что-нибудь похожее? – друг вытаращил на меня глаза и ждал одобрения.

– А где колодец найдешь?

– А зачем колодец? Можно использовать любую, на мой взгляд, яму. Дело-то не в колодце, а в процессе падения.

– Ты думаешь? А почему тогда статья называется «Колодец»? Видно, в этом, колодце, все дело? Может, он заколдован какой-нибудь местной ведьмой? Не зря же там воды нет.

– Давай попробуем, а? – Сенька очень жаждал повторения этого эксперимента и теперь, когда я был захвачен сюжетом прочитанного, он смотрел в мои глаза в ожидании согласия, как невыгуленная собака на хозяина.

– А давай! – я протянул ладонь, и Сенька положил на него кулак в знак нашей солидарности. Это был наш

выдуманный тайный ритуал скрепления дружеских душ.

В воскресенье, после обеда, с милостивого разрешения мамы, – при условии обязательного пересказа двух параграфов по природоведению и чтению, – я, воодушевленный будущим «перемещением во времени», стоял у продуктового магазина «Жиро» в ожидании Сеньки.

Друг явился в условленное время. Улыбаясь, и хлопая меня по плечу, он почти прокричал:

– Ну что, вперед в прошлое!

– Тише, дуралей, не привлекай внимания, – шепотом заговорщика прошипел я.

Сенька моментально сделал вид человека серьезного и преисполненного решимости. Подойдя ближе ко мне, он медленно произнес:

– Я тут одно место уже присмотрел. Бывший погреб твоего соседа Селиванова?

– Селиванова? Этот тот злой дядька, который гонялся за нами в прошлую весну, когда мы крышку от его погреба вместо плота использовали?

– Ага! Он самый! – подтвердил Сенька.

Друг прямо-таки светился от радости. В такие моменты он обычно открывал рот и высовывал свой язык. Меня это бесило особенно, но радость друга была превыше всех его кривляний, – я успокаивался и радовался вместе с ним.

Добравшись до селивановского погреба и, стоя по колено в снегу, мы начали обдумывать план наших дальнейших действий.

– Надо посмотреть глубину снега в яме, – предложил я, – а то можем провалиться с головой.

– Верно, – согласился Сенька. – Сейчас чего-нибудь найдем.

И уже через десять минут, после небольших поисков в низине, у замерзшего болота, мы волокли длинную толстую палку, похожую то ли на весло, то ли на обычный ствол сваленно-

го тальника. Снега в погребке оказалось не много.

– Отлично! Будем прыгать?

– Будем! – подтвердил я, будто за мной должно было быть последнее слово.

Перед тем как прыгать мы с Сенькой стали думать и гадать: что будет и будет ли вообще что-нибудь? Сенька поднимал плечи и активно моргал заиндедевевшими ресницами, – что означало – я не знаю!

– Сенёк, а ты куда переместиться хочешь? Ну, в какой год попасть хочешь? – спросил я друга.

– В тот год, когда мой папка, как и я, в третьем классе учился.

– Зачем? – спросил я.

Сенька молчал и поднимал плечи, – мол, не знаю я.

– А ты?

– А я хочу в 1984 год, когда моего папу в шахте завалило. Я бы остановил его. Не пустил на работу. Вцепился бы в ноги и не дал идти.

– Так он бы тебя не узнал?

Меня это, помню, разозлило и очень обидело:

– Дурак, что ли?! Узнал бы, спорим? Почувствовал бы... Кровь-то одна... Родная кровь, понял?

Сенька не знал, что ответить. Стояла пауза. Были слышно, как залиვის-то лают дворовые собаки со стороны далеко расположенного от нас частного сектора.

Сенька вынул из внутреннего кармана своего «пуховика» пожелтевшую фотографию, будто обгрызанную по краям.

– Вот, это мой папка. Ему здесь девять лет! Если встречу там, в прошлом, то покажу. Сенька смотрел на меня грустными глазами, полными какой-то ожидаемой надеждой на ту встречу. Он торопливо спрятал фото обратно и добавил: – Если встречу...

Началась подготовка. Условились прыгать вместе, с закрытыми глазами, держась за руки. Сенька настаивал именно на закрытых глазах, говорил, что это очень важно – и добавил:

– Помни: главное – самовнушение!

Это значит, – пояснял он мне, принимая позу пловца, изготовившегося прыгать в бассейн – тебе нужно без остановок, пока летишь, крутить в голове загаданный год – и тогда все получится.

– Угу – неохотно кивал я и сжимал глаза сильнее, чтобы ярче себе представить тот самый 1984 год. Вместо задуманного года, и все что с ним было связано из рассказов мамы и бабушки, в глазах, или где-то даже глубже глаз, мерцали желтенькие огоньки, кружочки и белые точки, расходящиеся от центра кругами в разные стороны.

Начали отсчет с десяти до одного. На словах «один» и «старт» – мы прыгнули.

Было немного страшно, но я так и не посмел открыть глаза. Мелькание точек и белых звездочек закончилось холодным погружением моего лица во что-то темное и глухое.

Открыв глаза, я увидел, как будто испачканное в муке, лицо друга. Его вытаращенные глаза смотрели на меня с удивлением, как будто вопрошая – ну что, мы там?

Я неудержимо хохотал, падал спиной в мягкий и чистый снег, раскидывая в стороны руки.

Успокоившиеся и счастливые, не смотря на провал нашего эксперимента, мы шли домой, похожие на снеговиков. Получив от ворчащей мамы веник, я сметал с себя в подъезде остатки прилипшего снега. Помнится, я тогда вовсе не расстраивался: где-то внутри меня первоначально уже скрывалось сомнение по поводу полезности нашего эксперимента и только из уважения к Сеньке, я согласился идти с ним прыгать в яму.

Накануне, обдумывая прочитанную статью, я утвердился в той мысли, что мужик попал в прошлое вовсе не благодаря волшебному колодцу, а, вернее всего, благодаря обычному отделению души от тела во время падения. Где-то я уже успел прочитать о том, что душа человека во время кратковре-

менной остановки физиологических, жизненных процессов в организме начинается «вспоминать» свои прошлые жизни и блуждать по так называемым «пространственным лабиринтам». Скорее всего, полагал я, душа того «деревенского путешественника» была прикреплена к одному пространству, то есть к его родной деревне, и потому, получая колоссальный физиологический стресс, вызванный падениями в колодец, она «вылетала» из тела, вспоминая свои прошлые тела, жившие в той деревне сто и даже пятьсот лет назад. Все эти домыслы я так и не донес до друга. Боялся обидеть. Но в голове поселилась иная идея: путешествие во времени осуществимо не благодаря новейшим технологиям и чуду техники, а благодаря искусственному вмешательству человека в естественные, биологические процессы, протекающие в его организме. Другими словами, машина времени – это сам человек, внутри которого приостановили жизнедеятельность.

Как-то давно, с братом, в видеосалоне, я посмотрел американский фильм, где герой Мела Гибсона, живший в 30-ых годах, теряет свою любимую подругу. От горя, – ему уже вроде бы терять нечего, – он соглашается на уникальный эксперимент по заморозке собственного тела. Его помещают в огромную камеру с температурой «абсолютного нуля» (это аж минус 273 градуса по Цельсию!) и программируют «разморозку» через 50 лет. Через положенное время он размораживается, остается таким же молодым и красивым, но организм начинает стремительно стареть, наверстывая упущенные годы. Героя неминуемо настигает старость за считанные дни.

Фильм меня, помню, потряс и, вспомнив его, я начал активно внушать Сеньки другую теорию существования машины времени. Он смотрел на меня с недоумением:

– И что? Теперь в морозильник полезем?

– Почему в морозильник? Пойми: дело даже не в замораживании тела, а в искусственном вмешательстве другого человека...

– Не понимаю, ты хочешь сказать, что путешествовать в прошлое и будущее с помощью техники нельзя? – Сенька смотрел на меня так, будто я сказал ему, что Земля квадратная.

– Не совсем, – я сделал паузу и смотрел куда-то в сторону, потом добавил: – Я сам запутался во всем этом.

Мы стояли в коридоре школы и мимо нас галдящей массой мелькали ровесники и те, кто постарше. На большой перемене они суетливо разговаривали, пищали и дрались. Сенька был явно расстроен. Испугавшись того, что он покинет мой внутренний храм идей, станет таким же как эти галдящие поблизости от нас субъекты, разуверится в возможности существования машины времени, я стал подбадривать друга и говорить, что в науке существует огромная куча идей, гипотез, проектов, от избытка которых рябит в глазах и путаются мысли не только у меня, но и у маститых корифеев-профессоров. Стал зачем-то придумывать разные небылицы про доказанные факты перемещения, сказал, что, оказывается, самому Эйнштейну все-таки удалось переметнуться в будущее. Сенька смотрел на меня чуть подозрительно, потом, улыбнувшись, подставил свою длинную ладонь. Я хлопнул по его ладони кулаком и поклялся, что мы обязательно найдем нашу машину времени, даже если на это уйдут года-десятилетия.

Прошли года-десятилетия...

Мы окончили школу. Поступили в разные институты. Сенька ушел в бизнес – я стал чиновником. От былого нашего романтизма, казалось, не осталось ни следа. Да в общем-то и от дружбы. Мы, конечно, пытались встречаться, общаться, что-то вспоминать, но то было так неестественно и дежурно: вспоминалось все самое

пошное и глупое, что было с нами, а то, что было связано с поиском нашей машины времени – как бы умалчивалось.

Появились другие увлечения. Про машину времени я постепенно забывал. Как-то незаметно из пытливого «естественника» я стал чувственным гуманитарием: вместо физики и химии увлекся историей и литературой. Так же незаметно стал вести дневник, фиксируя туда важные, на мой взгляд, моменты минувшего дня. Привычка вести дневник стала болезнью. Я испытывал что-то вроде «ломки», если не записывал даже один прошедший день. В моих студенческих дневниках подробно описывался быт, всякая житейская мелочь – и ничего из мыслей и впечатлений. Позже, когда я стал старше, мысли и впечатления вытеснили в дневниковых описаниях мелочь и быт, сделав мои зрелые дневники более умными и солидными. Сегодня, перелистывая страницы студенческих тетрадей, я приятно удивился и поразился некоей мистической притягательностью скупых, но точных описаний прошедшего дня. В голове промелькнула шальная мысль: «Вот же она, черт её дери, моя машина времени!».

Читая мои дневники, я будто возвращался туда не только мысленно. Казалось, что ко мне, во время чтения, возвращались мои внутренние переживания, мысли и даже запахи. В точных и коротких описаниях моих студенческих дневников я заново воссоздавал ушедший когда-то день, восполняя лаконизм того дневника моими сегодняшними эмоциями, – в итоге получался самый настоящий день со всеми подробностями, где жил не вчерашний, а сегодняшний «я». Было забавно испытывать непередаваемое ощущение мысленного, а потом будто и физического перемещения в прошлое путем простого чтения рукописных строк.

Читая в дневнике про один из сен-

тябрьских дней, – где я, студент-первокурсник, возвращаюсь в съёмную комнату, которую снимал у вредной бабули, – я живо воссоздал обстановку той квартиры, вернул обоняние резкого, неприятного запаха валерьянки и кошачьей мочи, звук скрипучего и громкого окрика старухи-хозяйки «Выключайте свет, молодой человек!». Во время чтения скупой строки: «Бабули не было дома» – я будто воскресил своё тогдашнее ликование, вернул живое ощущение радости и счастья того студента-первокурсника, который мог теперь хоть на пару часов почувствовать себя хозяином жилища и делать что заблагорассудится.

Вот я иду на первое свидание с девушкой. Ни слова в том дневнике о волнении. Но как же я, Боже мой, волновался! Трясся, не спал накануне, подбирая слова, путался в мыслях. Ни слова в дневнике – ничего – о летнем ливне в день моего первого свидания. Ах, какой же был ливень! Теплый июльский дождь! И совсем ничегошеньки о ней, о моей будущей жене, к которой я, робея, шел на встречу. А ведь она пахла карамелью и апельсинами, глаза были чуть подкрашены – и ни капли лишней косметики. И все это вспомнилось, будто всплыло из глубин реки забвения, по ходу чтения скупых строк дневника, где было просто и незамысловато: «Договорились встретиться у 11-го магазина, в два часа».

Вот оно реальное ощущение возврата в прошлое! От этого собственного открытия я был сам не свой: перечитывал каждый прожитый мной день, что-то вспоминал, казалось навсегда из памяти утерянное, радовался как ребенок, если вспоминал что-то малозначительное, но от того более приятное и родное. Некая эйфория поглотила меня с головой! Я стал почти настоящим путешественником в прошлое! Мне стало понятно: машина времени существует! Она есть! И это моя дорогая память!